

Дороги Льва Гумилёва

О Сибири, «большом учёном» товарище Сталине и простых советских заключённых.

Пазл года для меня складывался из очень больших и бесконечно малых кусочков. Умер Александр Солженицын, умер накануне 90-летия. И смерть его, и прошедший 12 декабря день памяти вызвали такую волну ненависти, прежде всего в виртуальном пространстве, что поневоле вслед за ультралиберальным комментатором «Эха Москвы» хотелось заорать: «Да дайте же человека похоронить, сволочи!».

Интродукция

Впрочем, это относилось и к смерти патриарха Алексия, сразу после которой на грязных, мнимо оппозиционных сайтах появился какой-то «священник» непонятно какой конфессии и стал буквальным образом плевать на ещё не укрытую могилу. И тут, как-то вроде совершенно случайно, ближайшие родственники вернули (не зачитали!) недавно купленную книгу – объёмистый том воспоминаний о Льве Николаевиче Гумилёве («Живя в чужих словах», «Росток», Спб., 2006). И изображение начало понемногу складываться.

В чём же совпали извивы судеб Предстоятеля Русской церкви, последнего классика XX века и последнего «великого евразийца»? А вот в чём – накануне нового года подвели итоги телеконкурса «Имя Россия», где почётное третье место занял «Корифей Наукович» – так Лев Гумилёв всегда называл Сталина. Таким образом, плюнули не только на недавно ушедших, но и на миллионы безымянных до сих пор могил жертв террора. Не хотелось бы пафоса, но не сами ли себе в лицо плюнули? А некий борзописец «ничтоже сумняшеся» заявляет, что все убитые Сталиным «были ворами, коррупционерами или террористами...», а дальше начинаются мутные словоизлияния об «отделении от Москвы», о некоей «Сибирско-Дальневосточной республике» и т.д. На самом деле методично и сознательно сеются семена вражды между регионами России, особенно опасные в период экономического кризиса.

В преддверии ада

Однако вернёмся к истории. «Дело» трёх студентов истфака ЛГУ, обвинённых в феврале 1938 г. в создании «молодёжного крыла партии прогрессистов» (?!): египтолога Николая Ериховича, арабиста Теодора Шумовского и специалиста по кочевникам Льва Гумилёва, – изобретённое следователями Филимоновым, Бархударяном и их «коллегами», было «шито белыми нитками», мальчишкам-студентам пытались приписать ещё и «подготовку теракта против Жданова», но, несмотря на пытки, они ни в чём не признались. Тем не менее Военный трибунал Ленинградского округа в составе судей Бушмакова, Матусова и Чуйкова (стране надо знать своих «героев») приговорил Гумилёва к десяти, а двух его товарищей к восьми годам заключения. Из протокола заседания:

«—...Гумилёв! Признаёте себя виновным?»

– Нет.

– Как же так... вы же подписали.

– Меня заставили следователи... Я подвергся воздействию, были применены незаконные методы. (Впоследствии сам Лев Николаевич вспоминал: «...Следователь всё больше распался и, матерясь, кричал на меня: «Ты любишь отца, гад! Встань к стене!». Он схватил меня за воротник рубашки и стал зверски избивать... бил краем ладони по шейным нервным окончаниям, видимо, знал, что именно в этой области расположен нерв, напрямую связанный с деятельностью полушарий головного мозга...»).

Председатель трибунала: «...Пытаясь уйти от ответственности, вы делаете себе хуже. Тут же всё ясно написано...».

Настолько грубая работа привела к тому, что приговор был отменён и дело передано «на доследование». Но к

тому времени кадры товарища Ежова были изрядно прорежены и приговор вошёл в силу с половинным сроком. Лев Николаевич и его товарищи оказались в лагерях. Ерихович, великолепный знаток древнеегипетской иероглифики, умер на Колыме, Шумовский уцелел и впоследствии завершил работу своего великого учителя Крачковского – закончил первый русский полный перевод Корана в стихах, а Лёва Гумилёв начал свои лагерные университеты, ему оставалось, с перерывами, проходить их ещё 14 лет.

Первый круг: «Поля блаженных»

Так сложилось, что Восточная Сибирь стала для Льва Гумилёва краем и горя, и радости. Впервые на Байкале и в Иркутске он побывал летом 1931 г., будучи коллектором Прибайкальской экспедиции Ленинградского геолого-разведочного института.

Цитаты из воспоминаний будущих геологов очень колоритны: «Путь до Иркутска – 7 суток – был долог, до Слюдянки пришлось ехать в товарном вагоне, со скамейками для пассажиров, народу набралось много, и некоторое время спустя ...я увидела на своих коленях голову спящего пожилого буряты, – вспоминает Анна Дашкова. – Он не был пьян, просто казался очень усталым. Я молча спросила глазами сидевшего рядом Лёву: как быть? И услышала умиротворяющий ответ: «Оставьте его, пусть спит. Аборигенов нужно уважать, они потомки монголов...». Я успокоилась и более не тревожила спящего...

Старая Байкальская дорога после Иркутска шла по берегу, вдоль подножия крупного горного массива, скальные карнизы которого буквально нависали над путями. Поезд то и дело нырял в туннели, когда миновали последний, в вагон ворвался резкий свежий ветер, и необозримый простор Байкала, ещё не вполне освободившегося от ледяного панциря, был пересечён многочисленными разводьями чёрной воды, а невдалеке на фоне голубовато-белых льдин контрастно выделялись чёрные точки, то перемещавшиеся по поверхности, то соскальзывавшие вниз, в тёмные глубины озера. Я удивилась: «Что это?» «Нерпы», – сказал Лёва.

Впрочем, и Лев, и его товарищи, молодые студенты, попали в экспедицию скорее из-за «социальных сложностей» – детям петербургских интеллигентов нужно было зарабатывать рабочий стаж, и они «читали охотно Апулея, а геолого-разведочного дела не читали...» (шутка Л.Н.Г.). «В Прибайкалье, – продолжает вспоминать Дашкова, – Лёву привлекала романтика: смена ландшафтов, контрасты рельефа, он удивительно умел разряжать возникшее напряжение. Однажды после очень тяжёлого перехода мы поднялись на площадку горного отрога. Тёмные тучи зависли над нами, воздух был тяжёлый и влажный, в людях тоже росло раздражение, казалось, достаточно любой ерунды, чтобы оно прорвалось. Вдруг Лёва подошёл к скальному обнажению, а затем произнёс, показывая на коричневые кристаллики сфена: «А это что, замороженные тараканы?». В ответ раздался громовой хохот, и атмосфера разрядилась. Услышав сибирские слова «хлынца» (мелкая рысь местных лошадок) и «елань» (отмель вдоль реки), он заявил: «Если бы Пушкин был сибиряком, он бы написал: «Татьяна, простирая длани, бежит хлынцой среди елани». Уже через год он пишет Дашковой, снова уехавшей в экспедицию: «Счастливая! А моя дорога проходит по крымским сопкам, похожим на бородавки, и на которых скучно, как на уроке политграмоты».

Круг второй: «Спуск в пропасть»

*...Я этот город строил в дождь и стужу,
И чтобы он был выше местных гор,
Я сделал камнем собственную душу
И камнем выложил дорог узор.*

Эти строчки Льва Николаевича, который всю жизнь писал стихи, но никогда не публиковал их при жизни, посвящены Норильску. Именно здесь, за Полярным кругом, в красноярской тундре, и произошла следующая его встреча с Сибирью. Шестое лаготделение Норильского ИТЛ и составляли те зеки, большая часть которых – выходцы из Ленинграда и Москвы – как специалисты были брошены на медные и никелевые шахты и плавильные печи «полярного чуда», ковавшего затем Победу бронёй танков и кораблей. Сколько их осталось там, на безымянных кладбищах? Никто точно не знает, даже историки ГУЛАГа. Поэт и фантаст Сергей Штейн (он же Сергей Снегов, автор знаменитой трилогии «Люди как боги») вспоминает: «И до войны, и во время войны в каждую навигацию на Енисее и на Карском море в Дудинку, а оттуда в Норильск поступали партии зеков, всего тысяч до десяти голов. Вряд ли меньше умирало за год...».

Вклад таких людей, как Евгений Рейхман – специалист по металлоконструкциям и петербургский любомудр, без которого даже генерал НКВД Завенягин не проводил строительные планёрки, химик Никанор Палицын – отец первых процессов обогащения, создатели опытного металлургического цеха инженеры Ян Бауман,

Всеволод Алексеевский, Надежда Заостровская, будущий выдающийся астрофизик и философ Николай Козырев, тот же Сергей Штейн – вот тот круг, в который попал Лев Николаевич. И хотя норильские интеллектуалы не «исповедовали Филона и Канта» (т.е. на лагерном сленге не «филонили» и не «кантовались»), а ежедневно тяжелейшим трудом поддерживали существование, у них хватало сил и на интеллектуальные дискуссии, и даже на поэтические конкурсы.

Но главное, вместе со стихами именно в Норильске и стала рождаться теория этногенеза. Она складывалась и таёжными ночами в Туруханском крае, где Лев продолжал «получать общее геологическое образование, позволившее ему в течение ряда лет работать по геологии в советском Заполярье» (так стыдливо излагает его биографию «Вестник ЛГУ» в 1972 г., когда отмечался 60-летний юбилей учёного). Обессмерченный Юзом Алешковским куплет «Товарищ Сталин! Вы большой учёный...» вполне мог подхватить, если бы знал, и Гумилёв, занимавшийся поиском железной руды и магнетита на легендарной Угрюм-реке – Нижней Тунгуске.

Сибирский краевед Алла Макарова, основываясь на документах норильских и красноярских архивов, так описывает этот край: «Тайга с буреломом, глушь, почти полное безлюдье, заедает мошкара, не спасают даже накомарники. Весенние половодья здесь сокрушительны: вечная мерзлота не впитывает воду, и талые снега поднимают уровень реки на 18–20 м». Из Норильска пришёл приказ продолжать работу и считать экспедицию стационарной (круглогодичной), а ни запасов продуктов, ни тёплой одежды у геологов-зеков не было, посланный катер вмёрз в лёд. Одетым в ватные лагерные телогрейки, только без номеров, работникам экспедиции не хватало даже валенок, людей отправляли в Туруханск в резиновых сапогах при температуре в -45». Экспедиционное начальство умудрялось присваивать и продукты, и даже нищенскую заплату, воровали в ГУЛАГе так, как и по всей сталинской России (хотя начальник экспедиции и был однокашником самого Завенягина по Горной академии). Люди дезертировали, вольнонаёмные старались уволиться, а зекам Козыреву или Гумилёву бежать некуда... вдоль Енисея посты ВОХРа, ни жилья, ни дорог, ни тропинок.

Однако Николай Александрович Козырев, вспоминая впоследствии это время, говорил: «Тайга, мошка и голод... Но всё же лучше, чем в камере смертников по колено в воде...». И в этих условиях геофизическая партия делает открытие за открытием. Из отчёта за 1943 г.: «...с помощью магнитной разведки выявлены железорудные месторождения на протяжении 24 км по реке Северной и реке Летней. Геологосъёмка и проверочные горно-буровые работы подтвердили промышленную значимость скоплений железных руд». Труд «гнилых интеллигентов» принёс реальные плоды. Нижнетунгусское железорудное месторождение остаётся в стратегическом запасе РФ.

Срок Гумилёва окончился, и через военный комиссариат Туруханска он покидает Сибирь. Отсюда его путь лежал на Запад, в 44-м году он добровольцем уходит на фронт. Сам Л.Н. так об этом вспоминает: «...Тайга – это зелёная тюрьма... ужасно тяжело там жить... На передовой я был солдатом, там было гораздо легче, чем в экспедиции: и кормили лучше, и достать пищу можно было. Так что я сделал очень мудрый шаг...». О том, что есть очень высокая вероятность присоединиться к полутора миллионам погибших в Померанской и Берлинской операциях, как-то не думалось.

Начинается новая глава жизни, и Сибирь остаётся в прошлом, наверное, он думал, навсегда.

Круг третий: «Ад и Чистилище»

Предыдущим годам, пожалуй, можно было и позавидовать: до Берлина без единого ранения, медали (помните у Евтушенко: «Мой имеет медаль, как-никак за Берлин..., орденов бывшим зекам, как правило, не давали»), сдача за два месяца всех экзаменов за 4-й и 5-й курсы, наконец, защита диссертации. Колоритная деталь: на госэкзаменах по марксизму-ленинизму, отвечая на вопрос о законе «отрицания отрицания» Лев цитирует стихи Николая Заболоцкого (собрата-зека), излагает события 1905 г. стихами Бориса Пастернака, на защите диссертации по древним тюркам цитирует Фирдоуси в собственном переводе.

Марианна Тумповская (Козырева) вспоминает: «В конференц-зале Академии наук, когда зачитывали биографическую справку, то каждый её пункт производил впечатление разорвавшейся бомбы: кто папа и кто мама, откуда прибыл, и характеристика с места работы: «Дана Л.Н. Гумилёву... в том, что он работает в психиатрической больнице... проявляет инициативу и выполняет общественную нагрузку...». Однако 15 «за» и 1 «против». Участие в раскопках знаменитых Пазырыкских курганов на Алтае и, наконец, любовь и предстоящий брак. И всё это на фоне собирающихся туч после Постановления ЦК по журналам «Звезда» и «Ленинград» и травли Михаила Зощенко и Анны Ахматовой.

В ноябре 49-го – новый арест. Л.Н.: «...никаких реальных обвинений мне не предъявлялось... следователи говорили: «Ну, Гумилёв, на что ты надеешься?... В какой вине хотел бы сам признаться?» ...били мало, но

памятно... Ещё раз записали десять лет...» (опять же Алешковский: «За что сижу, по совести не знаю, но прокуроры, видимо, правы...»). Так Лев Николаевич стал классическим «повторником», тысячи таких, выживших после сталинских кошмаров 30-х, теперь стекались в лагеря Казахстана и Южной Сибири, среди них и оказался другой фронтовик – Александр Солженицын, именно он впоследствии утверждал в эссе «Как нам обустроить Россию», что Северный Казахстан – настоящая русская Сибирь, а другой литератор даже попытался осуществить это, за что и заплатил несколькими годами тюрьмы.

Инженер-строитель Алексей Савченко, проведший с Гумилёвым целых семь лет, переходя из лагеря в лагерь от карагандинских лагпунктов до Омска, утверждает, что пятисотстраничный «Этногенез и биосфера земли», а также «Древние тюрки» уже хранились в «мыслительном сейфе» учёного, и только безымянный лагерный опер в конце срока принял по просьбе зека-«чудика» соломоново решение: «Гуннов можно, стихи нельзя» (так появилась книга «Хунну»). Впрочем, Солженицын в сходных условиях намертво сохранил в памяти пьесу в стихах «Пир победителей». Но воспоминания Савченко хранят и драгоценные детали о том, каким образом источником новых знаний был для Л.Н. сам лагерь: «...в лагере жили представители всех национальностей и очень многие из живущих за её [страны. – О.В.] пределами, чекистская метла подметала всех подряд».

Довольно долго Гумилёва посещал иранский юноша. Лев Николаевич с его помощью усовершенствовал знание фарси, слушал стихи иранских поэтов. А фантастическая история его жизни была тем не менее абсолютно типичной для тех времён. В 1943 г. во время встречи Сталина, Черчилля и Рузвельта одна из тегеранских гостиц была целиком отдана в распоряжение советской делегации. Когда однажды вечером студент университета зашёл за девушкой, работавшей там, на него в вестибюле накинули мешок, связали, всунули кляп в рот. Потом куда-то несли, потом долго-долго везли, покуда он не предстал перед следователем Лубянки. Ему дали двадцать лет за шпионаж. «Шпионаж в пользу какого государства?» – поинтересовался Лев Николаевич. Юноша растерялся. Он не знал, что шпионаж обязательно должен быть в пользу какой-либо страны. Следователь забыл ему это объяснить, а сам он спросить даже не догадался.

Молодой китаец был хозяином мастерской в Харбине, где работали и русские эмигранты. Свои двадцать лет он тоже получил за шпионаж, на этот раз в пользу американцев. По вечерам они с Л.Н. занимались просмотром древних китайских документов из присланного тому академического издания. Так Гумилёв изучал китайские иероглифы. Была среди его гостей и совершенно экзотическая личность – настоящий буддийский лама из самой Лхасы, схваченный чекистами во время паломничества в монгольском дацане.

После этих бесед, потирая руки, Лев Николаевич говорил: «Ну, скажите, пожалуйста! Как я, живя в Ленинграде, смог бы встретиться и поговорить с настоящим монахом из Лхасы? Так что я по гроб жизни должен быть благодарным нашим мудрым чекистам, а он только что рассказал мне интереснейшие подробности о перевоплощениях Будды!». «Лев Николаевич! А как же вы это с ним беседуете? Вы ведь недавно говорили, что этот Будда по-русски почти совсем не шпыхает, а сами вы и вообще ни бум-бум по-тибетски?». Лев Николаевич заливисто смеётся: «Дорогой мой! Два учёных мужа всегда найдут общий язык. Это товарищи чекисты с гражданами зеками никогда такого не добьются, а учёный-ленинградец с учёным-лхасцем сумеют наладить контакт».

Однажды он привёл в барак эвенка, шамана с Нижней Тунгуски. Л.Н. очень этим гордился и говорил соседям: «С вами шаман не делится своими секретами и правильно делает. Потому что вы всё равно не поверите, а я ему верю, и он это знает». Порой шаман входил в раж и начинал подпрыгивать, что-то выкрикивать, временами подвизгивать, вертя над головой крышку от ящика, заменявшую ему бубен. Лев Николаевич не спускал с него глаз, напрягался и подавался вперёд, мысленно повторяя телодвижения шамана, потом шутил: «...вот смотрю я на его танец, может, и мне пригодится, глядишь, придёт время – и меня на высылку в северные края определят. Приобрету бубен и пойду по стойбищам злых духов гонять! Всё на кусок медвежатины заработаю, пока не посадят меня по новой! Теперь уж по причине «религиозного одурманивания масс!..»».

Однако наряду с «эксплуатацией иностранных кадров ГУЛАГа» Гумилёв постоянно общался с историками, журналистами, биологами, астрономами, философами. Савченко вспоминает: «Он обладал особым даром в любой компании направлять беседу в нужное для себя русло, в пользу своей теории». Среди его постоянных собеседников были и бывший эмигрант, рижский журналист Борис Меркулов, и английский коммунист Джордж Герберт Ханна, заплативший за свои социалистические идеалы двумя лагерными сроками.

*Но я старел, и утешала Волга,
И шелестела мне: «Ещё недолго»,
А что недолго, жить?
Угрюм и сед,*

Я нёс, вконец измотан, свою муку...

Эти строки Евтушенко, тогда ещё не написанные, полностью подходят ко Льву Николаевичу середины 50-х, что видно из его переписки с верным другом Эммой Герштейн и писем к близким из омского лагеря, где вслед за любимым им Достоевским он отбывал последний срок; подводило здоровье, и даже инвалидный барак и работа на лагерной сушилке портянок и валенок была для него тяжела. Только осенью 56-го, после письма академиков Струве и Окладникова и директора Эрмитажа Артамонова, который был первым учителем 16-летнего Львы, Лев Николаевич прибыл на Ярославский вокзал со сделанным из досок чемоданом, где лежали монографии «Хунну» и «Древние турки». Сибирь уплывала, всё нужно было начинать заново.

По Ангаре: путешествие к прошлому

«А ведь я с ним встречался», – спокойно сказал Алексей Дементьевич Фатьянов в ответ на мой восторженный рассказ о том, что я стал обладателем стенографической записи цикла лекций Льва Гумилёва по народоведению в Новосибирске. «Как! – я чуть не задохнулся от негодования, – и вы нам не рассказывали?!». – «Да и рассказывать-то особенно не о чем. Приехал Окладников и попросил меня поселить приезжего историка, который хотел поработать с бурятскими экспонатами. Я и не знал сначала, кто это, потом сказали: сын Ахматовой. Я выделил комнатку справа от входа, он был худой, с двух-трёхдневной щетиной, неразговорчивый, утром шёл в ближайший гастроном на Красной Звезде (ныне ул. Сухэ-Батора), возвращался с четвертинкой, мы что-то говорили о погоде, и всё...». Потом Алексей Дементьевич полез на одну из полок своей необъятной библиотеки, вынул какой-то большой чёрный альбом и протянул мне: «Ну, получай, раз уж ты такой «гумилёвец». Я просто остолбенел, у меня в руках была великолепно изданная монография «Старобурятская живопись» с текстом Льва Николаевича – хрустальная мечта всех иркутских (и не только иркутских!) книжников.

«И даже романтику жизни, чтобы получилось, необходимо «организовать», ибо неорганизованная романтика встречается только в романах, причём в плохих» – так сформулировал замечательный русский писатель Дмитрий Балашов принцип жизни Л.Н. в посмертном очерке (Д. Балашов «Памяти учителя»).

В 1957 г. Алексей Павлович Окладников, ещё не академик, но уже доктор и лауреат, возглавил Иркутскую археологическую экспедицию Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР. Экспедиция была из так называемых «новостроечных». При строительстве Иркутской ГЭС предполагалось затопление обширных территорий в бассейне Ангары и было необходимо археологическое обследование. Работы финансировались из бюджета строительства, и экспедиция состояла из нескольких отрядов. Лев Гумилёв и Николай Козырев были включены в Балаганский отряд археологической разведки. Естественно, участие двух гениев в такой экспедиции не могло не оставить заметных следов, но самые интересные воспоминания написали не маститые учёные, а молодые студенты и аспиранты.

Нина Ивочкина, тогда студентка третьего курса, а впоследствии хранитель Дальневосточной коллекции Эрмитажа, вспоминает: «Мы тогда копали курыканское поселение километрах в семи от Балаганска на берегу Ангары, где в неё впадает Унга – дивной красоты речка, равнинно-тёплая, с замечательными зелёными берегами, если смотреть с речной террасы, то зелёная долина на фоне засушливого степного пейзажа согревала наши асфальтовые души. Л.Н. серьёзно интересовался нашей работой: в курыканском слое шла определённая керамика, ниже была другая, которую точно не определяли, но ему очень хотелось, чтобы она была гуннская, он всё пытался увязать наших «курыкан» с общеисторическими проблемами Азии.

Однажды мы смотрели на звёзды над этим поселением и пытались воспринять от них мысли, с которыми к ним обращались древние насельники. Вечерами над нами совсем низко висела невероятных размеров тёмно-розовая луна, мы рассаживались на краю террасы, и Лев Николаевич читал нам свои переводы «Шах-намэ». Про лагерь он рассказывал мало и что-то очень невинное, чтобы нас не напугать, но я только после одного «гастрономического» эпизода осознала, что ему пришлось пережить.

Он уехал в Иркутск, там мы встретились на почте, я получила посылку от родителей, в которой оказался большой кусок сыра, весь заплесневелый. «Что вы собираетесь с ним делать?» – «Конечно выброшу». – «Тогда отдайте его мне», – сказал он. Мы все засмеялись, думая, что он шутит. Через какое-то время Л.Н. сказал: «А вы помните тот сыр? Я срезал всю плесень и ещё два сантиметра. Внутри сыр был прекрасный и очень вкусный... спасибо вашим родителям». Я вдруг осознала, какой благополучной жизнью мы жили и сколько же пришлось пережить Льву Николаевичу».

Будущий архитектор Юрий Кожин прошёл вместе с Козыревым и Гумилёвым по Ангаре от Балаганска до Братска и запомнил ряд комических эпизодов: «Лев Николаевич решил сразу приступить к работе. Невдалеке

от стоянки он обнаружил небольшой холмик с остатками горелого дерева: «Возможно, это ритуальное захоронение, надо расчистить». Мы расчистили, а я нарисовал. Пришёл Окладников, посмотрел, хмыкнул, сказал: «Горелый пень» – и ушёл. Я подумал: реалист, и никакой фантазии.

В Братске мы решили продать сэкономленное масло в столовую, схему раздела денег тут же придумал Козырев, а Гумилёв сочинил великолепную объяснительную записку по поводу утери нами казённого топора. Зековская смекалка позволила нам вернуться в Иркутск на теплоходе в каютах первого класса...». Молодёжь тогда ещё не очень понимала, с кем имеет дело: «В Ленинграде я восторженно рассказывал, с какими людьми мне довелось путешествовать по Ангаре. Меня стыдили: «Ты целый месяц жил рядом с сыном Ахматовой и Гумилёва, да ещё рядом с великим Козыревым. Надо было ловить каждое слово, а ты только восторгаешься».

Уже «постфактум» вспоминал, как Козырев, математик, астроном, создатель таинственной теории направленного движения времени [Сергей Снегов в третьей части своей трилогии «Кольцо обратного времени» явно использует идеи Козырева, высказанные, видимо, ещё в норильском лагере. – О.В.], объяснял нам сущность своих открытий, вращая в руках алюминиевую миску. Помню его рассказ о том, как течением сорвало и понесло лодку со всем запасом продуктов для зимовки. Зная, что река в этом месте огибает мыс, Н.А. бегом пересёк этот мыс и, прыгнув в ледяную воду, перехватил лодку. Это был человек открытый, спокойный, решительный, мне виделись в нём черты героев Джека Лондона. Зимой, получив известие об освобождении, он не стал ждать транспорта, а 14 дней шёл один по тайге на лыжах до ближайшей железнодорожной станции». (Ю. Кожин «Ангара –1957»).

Книга Льва Николаевича о старобурятской живописи, написанная по материалам Иркутского художественного музея, была окончена в 1968 г., но к читателю попала только через семь лет. Последнее посещение Сибири – новосибирского Академгородка – с чтением лекций относится уже к области интеллектуально-академических приключений.

Тем не менее пазл требует ещё одной детали. Доктор филологических наук Гелий Прохоров, вместе с Гумилёвым «открывавший» хазарские памятники на шельфе Каспия, впоследствии писал: «Присматриваясь к нему, я почувствовал, что у него по сравнению со мной есть лишнее измерение: я как будто двухмерный, плоский, а он как будто бы трёхмерный, объёмный. И я понял, что этим «избыточным» измерением была его глубокая (или, точнее, высокая) «скромная, непоказная, бережно хранимая – даже от философии! – детски нежная христианская вера». Вертикаль, соединяющая мудрую и любящую Вечность с настоящим!».

Михаил Ардов приводит такую реплику Л.Н.: «Среди ожесточённого спора о христианстве он склонился ко мне и тихонько сказал: «Ну мы-то с вами знаем, что Он воскрес». Но его вера не была пассивной: Лев Николаевич входил в инициативную группу, которая добилась от Санкт-Петербургской мэрии возвращения верующим храма Иконы Владимирской Божией Матери.

А по поводу гнусных инсинуаций вокруг смерти Алексея II и выборов нового Предстоятеля очень уместно вспомнить его последнее совместное с академиком Панченко телеинтервью: «...объединение Руси шло по линии православия. Когда на митрополита Петра пришли доносы, что он берёт взятки, что было хулой, то на Собор собрались все, что было, конечно, нарушением канона, но вмешались и защитили владыку, а тех стукачей, что на него писали, разжаловали и отправили по деревням...».

Неплохо бы и сейчас вспомнить уроки русской истории. Ну вот, теперь пазл сложился. Последняя сердцевинная деталь: на конкурсе «Имя Россия» наибольшее количество голосов получил князь Александр Невский, любимый герой Льва Николаевича.

Автор: Олег Воронин © Восточно-Сибирская правда КУЛЬТУРА, БАЙКАЛ 👁 7796 22.01.2009, 13:10 ↕ 293
URL: <https://babr24.com/?ADE=50120> Bytes: 26145 / 26061 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)